

1995

П О ВЕЧЕРАМ летний цирк заполняла публика, что называется, до отказа. Несмотря на то, что купол был брезентовый и, казалось бы, жаркий воздух мог уходить наверх, дышать и на арене, и за кулисами, и в самом амфитеатре, где размещались полторы тысячи зрителей, было нелегко...

Послав последний воздушный поцелуй неистово аплодировавшей ему публике, Дуров медленно двинулся через форганг к себе в уборную. Оживленное выражение лица и улыбка исчезли. Сразу стало видно, что по скупо освещенным кулисам двигался не слишком молодой и очень усталый человек. Плечи знаменитого клоуна опустились. И странным было теперь видеть на нем парчовый костюм, плоеное жабо, шелковые чулки и туфли на высоких каблуках...

Войдя в уборную, Анатолий Леонидович рассеянно приласкал свою любимую мартышку Жако, сидевшую на гримировальном столе, опустился перед зеркалом и не сразу взялся за баночку с вазелином, чтобы снимать грим: некоторое время он тяжело дышал, глядя на свое отражение и не замечая его... Затем артист качнул головой, глаза его приняли обычное выражение острой наблюдательности. Он слушал доносившуюся с манежа музыку: для "разгона публики" после выступления Дурова выехала малоинтересная зрителям наездница. Ея-то и игрался этот банальный вальс, подгоняемый по ритму к неровным движениям лошади...

И вдруг в дверь уборной постучали.
- Да! - с досадой воскликнул артист. - Войдите! Кто там?
Дверь немного приоткрылась. В щелку проскользнул пожилой человек с испитым лицом в разноцветном и безвкусном кафтане униформиста, удивительно не подходившем к длинноносому и робкому лицу его носителя.

- Премного виноват-с, господин Дуров, - заикаясь от тревоги (очевидно, он боялся, что его выгонят), начал униформист, - так что господин первой гильдии купец Самохин желает с вами как бы побеседовать.

- Какой еще Самохин? - досадливо скривившись, отозвался Дуров. - Что ему надо?
- Он, так сказать, имеет до вас коммерческое предложение...

Униформист невнятно произнес эти слова и, видимо, намерен был продолжать, но чья-то большая белая рука, поросшая густым волосом, бесцеремонно схватила униформиста поперек талии и утащила в коридор. А в дверях оказался ражий купчина чуть ли не в три аршина ростом и своей тучностью не оставлявший сомнений в том, что на весах потянет не менее десяти пудов.

- Прощения просим, господин артист, - неожиданно для такого мастодонта высоким фальшетоном заговорил купчина, - но как мы сами - здешние купцы и желательнее с вами вступить в переговоры, то вот - разрешил я себе вроде как бы вломиться к вам...

Дуров дернул головой, поспешно встал и, набрасывая на себя халат, спросил недовольным тоном:
- Что вам, собственно, угодно?..

При этом он заметил, что за широкой спиной первой гильдии толстяка теснилось еще несколько человек в картузах, цилиндрах и фетровых шляпах с непомерно большими полями. Эти люди хихикали и все вместе гудели о чем-то, что им, вероятно, казалось смешным... Купчина повернул голову назад и властно бросил:

- А ну, цыть все сей минут! Не то разгонию вашу шатию, так ничего и не увидите!

В коридоре замолкли. А господин Самохин со смешанным выражением привычной наглости (нам теперича все по средствам) и замешательства (как бы не прогнали; а это такому богатею никак уж не подходит) начал:

- Мы в рассуждении вашей, господин клоун, то есть свиньи. Которая у вас ученая хрюшка...

- А что бы вы хотели от этой свиньи? - с недоумением спросил Дуров.

- Шлико сообразительная тварь! Это, знаете, не всякий из моих приказчиков такое может произвести в смыслах цифири... И заметьте притом: хотя бы ей подсказывал кто... али там счеты у ней под пятаком были... А то просто сама по себе, раз-раз - и пожалуйте! - в уме у себя отчитала, что приказано!.. Удивительная, я так скажу, животная!..

- Крайне благодарен за комплименты. Но я несколько утомлен после спектакля...

- Это мы вполне понимаем и сочувствуем. Тянуть не станем. Скажу напрямки: желательнее теперича этого свинтуса мне приобрести в полную, то есть, собственность за наличные деньги. Вот так. И коли будет ваше согласие, то за ценую не постоим, как мы при нашем капитале вполне себе можем дозволить...

Дуров сразу покраснел, и у него затряслись руки.

- Милостивый государь! - вскричал он. - Я прошу вас немедленно покинуть меня! Это... это... это - наглая выходка!

Купец, оглянувшись сперва назад: слышали ли его прихлебатели этот окрик, - попятился к дверям, на всякий случай ладонями загородив физиономию. Он бормотал:

- За что же гоните, господин хороший?.. Нет - так и скажи нет... А мы, между прочим, и ста рублей не пожалели бы...

Дуров рывком закрыл дверь - так, что она прищемила плечо купчины. В коридоре кто-то испуганно взвизгнул... Жако прыгнул на крышу высокого шкафа и оттуда озирался в ужасе.

А Дуров, вновь почувствовав одышку, опустился в то же кресло у зеркала. Он попытался было намазать вазелином лицо, но руки все еще дрожали от гнева, и артист принужден был поставить на место баночку.

Снова постучали. Клоун вскочил с места и, оборотившись лицом к двери, резко крикнул:
- Кто там еще?! Попрошу дать мне покой!..

Тем не менее дверь приоткрылась тихо и на малую часть. Длинный нос давешнего униформиста показался в комнате. Жалобным тоном владелец носа произнес:

- Тысячу извинения, господин Дуров... Поверьте: я ни при чем-с... Это его степенство от меня потребовали-с: сходи да сходи к ним - к вам то есть...

- Да зачем им моя свинья? - перебил клоун.

Униформист потупился. Помолчав с полминуты, он выдавил из себя:
- Не в обиду, конечно, но только... Вы не рассердитесь?

- Нет, нет! Говорите!
- Им, например, желательнее-с вашу дрессированную свинку скушать.

- Что-о?!

- Я, ей-богу, не виноват, господин Дуров... Я их не подбивал-с... Мне даже в голову не могло прийти...

Замигав глазами, униформист мгновенно испарился. Из коридора неслись его невнятные оправдания...

- Никто вас и не винит! - с раздражением сказал Анатолий Леонидович. - Идите сюда! Вы точно это знаете?

- Как перед истинным богом-с, господин Дуров!

- Какая тупость! Мерзость какая!

Осторожно взглянув в лицо клоуна, униформист снова выскользнул в коридор. Но и на сей раз его властно позвал хозяин уборной:

- Эй, вы там!.. Вернитесь!.. - И, улыбаясь неожиданно веселой и обаятельной улыбкой, клоун приказал появившемуся вновь человеку: - Передайте этому купчине, что я согласен продать ему мою дрессированную свинью за двести рублей. Но при условии, что он придет ко мне совершить эту сделку один - понимаете ли? - один! Я хочу с глазу на глаз с ним... А субутыльники его чтобы не смели толкаться у нас за кулисами!

- Как прикажете, так и будет! - заторопился униформист. Видно было, что он ждал для себя крупных чаевых от господина Самохина за такой успех в выполнении купеческого каприза... - Безусловно, эти его лизоблюды здесь ни к чему-с! - угодливо кивая головою, повторил он: - Какие же тут могут быть свидетели?..

...И вот на другой день, перед спектаклем, две "договаривающиеся стороны" встретились в уборной Дурова. Со шкафа на купца боязливо поглядывал Жако, а у самых ног клоуна рычал фокстерьер Пик, названный так за форму пятна над самым хвостом.

С суровым выражением лица человека, который приступил к важному делу, Дуров говорил купцу:

- Сегодня - суббота. Завтра, в воскресенье, после утреннего спектакля я передаю вам мою Хавронью при условии, что вы пожертвуете двести рублей на бедствующих учеников этой губернии. Расписку на такую сумму, само собой разумеется, я вам выдам немедленно по получении денег.

- А это нам все единственно, господин артист, - небрежно ответил Самохин, - нам желательнее ученую свинью получить в свои руки... А куда пойдут денюжки, нам на это - плюнуть и растереть...

- И потом помните, господин Самохин: вы должны явиться без вашей свиты...

- Как же-с, как же-с, уже сказано всей этой шантрапе, чтобы собирались прямо в трактире "Лиссабон", что напротив вашего цирка, здесь, на площади... Ну, там уж я их угощу ученой свинкой... Поварам со вчерашнего дня задано подготовиться к разделке, значит, вашей математической хрюшки... хе-хе-хе... Может, и сами заглянете-с, чтобы, так сказать, отведать?

- Благодарю за честь, участвовать в вашем пиру не намерен!

И Дуров, учтиво поклонившись гостю, дал ему понять, что более не задерживает...

Купец, взмахнувши цилиндром, повернулся к двери, за которой подслушивал длинноносый униформист с выражением полного счастья на лице.

В. АРДОВ

УЧЕНАЯ СВИНЬЯ

ЛГ-досье - 1995 - №1 - с. 28-29

